

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Обсуждение вузовских учебников по древней истории

В. И. АВДИЕВ, *История древнего Востока*, ОГИЗ, Госполитиздат, 1948, 588 стр. Тираж 100 000 экз., цена 13 руб.

Рецензируемый труд прсф. Авдиева составлен в точном соответствии с программой, утвержденной Министерством высшего образования СССР, и допущен Министерством в качестве учебника для исторических факультетов университетов и пединститутов.

Учебник В. И. Авдиева стоит на уровне современной науки, учитывает новейшие археологические открытия в странах древнего Востока, использует ряд документов, опубликованных в последние годы, например, неизвестные прежде клинописные тексты, заставляющие коренным образом перестроить хронологию Передней Азии до середины II тысячелетия до н. э. Автор самым тщательным образом подводит итоги огромных достижений советского востоковедения (в особенности отмечая исследования нашего крупнейшего специалиста по истории древнего Востока акад. В. В. Струве) и! дает глубокую и принципиальную критику ошибочных построений и выводов буржуазной науки.

Во введении к своему учебнику В. И. Авдиев, определяя предмет истории древнего Востока, пишет: «Изучение истории многочисленных народов, создавших эти государства и своеобразную древневосточную культуру, дает нам возможность исследовать одну из важнейших проблем в истории человечества — проблему распада родового строя, возникновения на его развалинах и первоначального развития древнейшего рабовладельческого государства» (стр. 3). Задачи истории древнего Востока в этом определении понимаются слишком широко, автор отчасти захватывает область исследования, предназначенную для историков первобытного общества. Именно последние, а не историки древнего Востока обязаны объяснить причины и процесс распада первобытно-общинного строя. Да и сам В. И. Авдиев на практике не пытается разрешить эту проблему, ограничиваясь лишь изложением фактического материала, иллюстрирующего переход от доклассового общества к рабовладельческому в странах Востока, и, поступая так, он вполне прав, ибо смежные исторические дисциплины должны быть строго разграничены и историк гражданского общества должен лишь сослаться на выводы своих предшественников, изучающих историю первобытно-общинного строя вплоть до его распада включительно, но не должен повторять их работы.

Автор не провел также и резкой разграничительной линии между историей древнего Востока и историей античности. По его словам «...античное рабовладение есть лишь дальнейшая стадия в истории восточного рабовладения» (стр. 7). На Востоке, по его выводу, «было примитивное, в значительной степени, домашнее рабство, в то время как в античном, греко-римском мире рабство достигло высшей стадии развития» (стр. 6). С последним утверждением полностью нужно согласиться, но нельзя не отметить, что конец древневосточной истории автором отчетливо не установлен и остается неясным, когда в странах Востока восточное рабовладение сменилось античным.

Таким образом, одной из основных черт истории древнего Востока является изучение возникновения, развития и распада системы по преимуществу восточного или домашнего рабства.

Задача, стоявшая перед автором учебника по истории древнего Востока, в силу большого объема материала, который ему пришлось охватить, вследствие неполноты и разнохарактерности источников и недостаточной изученности большинства из них, была нелегкой. Первым вопросом, который встал перед В. И. Авдеевым, был вопрос о том, почему рабовладельческое общество возникло в странах древнего Востока раньше, чем в других областях земли. В. И. Авдиев вплотную приблизился к разрешению этой проблемы, отмечая благоприятные естественные условия в долинах великих рек Нила, Тигра, Евфрата, Инда, Ганга и Хуанхэ, которые «способствовали уже в IV тысячелетии развитию земледельческого хозяйства, основанного на искусственном орошении» (стр. 3).

Он также справедливо отмечает наличие по соседству с этими «сравнительно небольшими оазисами многочисленных кочевых племен», но напрасно считает их культурно отсталыми и замедляющими темп развития общества. На самом деле именно взаимодействие оседлых племен, занимающихся мотыжным земледелием, с отделившимися от них пастушескими племенами сыграло огромную прогрессивную роль и, в частности, ускорило переход от огородничества к плужному земледелию.

Важнейшей проблемой, без разрешения которой невозможно понять специфику древнего Востока, является проблема возникновения и развития рабовладельческого типа производственных отношений. Основным противоречием древневосточного общества было противоречие между рабовладельцами и рабами. Но наряду с этим происходит напряженная и ожесточенная борьба между богатыми и бедными, между светской и духовной аристократией, купцами, ростовщиками, с одной стороны, и разоряющимися крестьянами — общинниками и ремесленниками — с другой.

Эти многообразные формы социальных столкновений по мере возможности прослежены автором. Так, например, ярко и подробно описывается восстание бедняков и рабов в Египте в конце Среднего царства. Автор совершенно правильно отмечает, что это восстание «потрясло все здание рабовладельческого общества, но не могло в корне изменить развития исторического процесса. Восставшие трудовые массы не были достаточно объединены и не сознавали, да и не могли сознавать стоявших перед ними задач» (стр. 199).

На древнем Востоке главной формой рабства, как правильно показал на обильном фактическом материале сам автор, было домашнее рабство, при котором прибавочный продукт раба лишь случайно попадает на рынок. Жаль только, что автор не останавливается на этом вопросе подробнее. Здесь нужно было бы показать, в чем конкретно состоит отличие домашнего рабства, как рабства, направленного на производство непосредственных средств существования, от «классического» рабства Греции и Рима, где патриархальная система рабства превращается в рабовладельческую систему, направленную на производство прибавочной стоимости» (К. (М а р к с и Ф. Э н г е л ь с, Соч., т. XIX, ч. I, стр. 360)¹.

Преобладание среди различных форм эксплуатации домашнего рабства обуславливало то, что хозяйство оставалось, в основном, натуральным. Основные черты этого натурального хозяйства на Древнем Востоке прекрасно охарактеризованы автором, который привлек богатый фактический материал.

¹ Кстати сказать, недопустимым пробелом в библиографии, приложенной к учебнику, является отсутствие в списке указания на XX и XXXVI главы третьего тома «Капитала», в значительной части посвященные торговле и ростовщичеству в древнем мире, и на главу XLVII того же тома, трактующую о генезисе капиталистической земельной ренты.

К сожалению, однако, автор не разработал достаточно (см. стр. 194) ни вопроса о происхождении города, ни о взаимоотношении его с деревней.

Автору следовало бы развить на конкретном древневосточном материале замечательные положения Маркса о роли города и деревни в азиатской, как он ее называет, древности. «...Азиатская история — это своего рода нерасчлененное единство города и деревни (крупные города могут рассматриваться здесь только как княжеские станы, как парост на экономическом строе в собственном смысле)...» «Города в собственном смысле слова образуются здесь наряду с этими селами только там, где место особенно благоприятно для внешней торговли; или там, где глава государства и его сатрапы, выменивая свой доход (прибавочный продукт) на труд, расходуют этот доход как рабочий фонд» (К. Маркс, *Формы, предшествующие капиталистическому производству*. Политиздат, 1940, стр. 13 и 7). Вместе с тем следовало отметить отличие древнего Востока от античности, где город («полис») играл иную социально-экономическую и политическую роль, чем на Востоке.

Слабое развитие городской жизни отмечено автором на стр. 6 и 7, где он делает совершенно правильный вывод, что «деньги в виде монет и городской строй, связанный с более высоким развитием торговли, появляются лишь на последнем этапе существования древневосточных государств». Вместе с тем автор достаточно четко и подробно говорит о сельской общине, утверждая на стр. 516, что сельская община, как пережиток первобытного общинного строя, продолжала существовать в течение всей истории древнего Китая, как и в других древневосточных странах. Но оба эти исторические явления автором недостаточно связаны, так как им не показано достаточно наглядно, что именно слабое развитие городской жизни и обусловило живучесть сельских общин. Конечно, имело место и обратное влияние, прекрасно сформулированное автором, который живучестью сельской общины объясняет «крайнюю медленность и сравнительную застойность в развитии хозяйства, общественного строя и культуры древневосточных народов в целом» (стр. 6). Конечно, ведущую роль в этом сложном процессе играет характер производственных отношений, которым обуславливалось медленное развитие ремесла и торговли в городе, и этим объяснялся медленный распад сельских общин.

Четко излагает автор положения Маркса и Энгельса о фактической принадлежности земли общинам, чему вовсе не противоречит концентрация всего земельного фонда в руках государства, во главе которого стоял в качестве «связующего единства» деспот.

На фоне многих достоинств учебника особенно досадным упущением представляется нам недостаточно ясное освещение некоторых сторон проблемы землевладения на древнем Востоке и, в частности, в Египте. Автор оставляет без разъяснения вопрос о работах свободных общинников «на дом царя», довольствуясь такими бегло брошенными выражениями, как «зависимые от них [«знатных богачей»] люди» (стр. 165), «принудительные работы по пахоте, жатве, охоте и работе в каменоломнях» (стр. 179); подобные формулировки, данные без всяких пояснений, могут вызвать значительные затруднения у студентов.

В учебнике, как нам кажется, необходимо было показать четко и на конкретном материале каждой данной страны, что верховное право царя на всю землю в государстве выражалось не во владении этой землей, которая фактически принадлежала общинам, а в том, что царь имел «право» на присвоение прибавочного труда общинников в виде податей и коллективных работ. На этом вопросе следовало бы остановиться подробнее еще особенно и потому, что в нашей историографии нет единого мнения в понимании этой проблемы. Нам представляется правильной следующая точка зрения.

На Востоке не «существует никакой частной земельной собственности, хотя существует как частное, так и общинное владение и пользование землей» (К. Маркс, *Капитал*, т. III, 6 изд., стр. 570).

Говоря суммарно, владельцами земли в странах древнего Востока были, во-первых, общины, во-вторых, — царь (по отношению к своим частным владениям — царским землям), в-третьих, — храмы, и, наконец, в четвертых, — частные землевладельцы, которые появляются постепенно и число которых неуклонно возрастает. Над всеми этими владельцами стоит как связующее единство, как верховный собственник всех категорий земли — царь. Это верховное право собственности царя, конечно, было только юридической формой, которая, восходя к древней коллективной племенной собственности (первой форме собственности, как ее называет Маркс¹), «узаконила» право дара на эксплуатацию всего [населения] страны.

Совершенно не освещен в учебнике важный вопрос о выделении из всего фонда земель государства, верховным собственником которых был царь, его личных земельных владений.

Еще больше внимания, чем сельской общине, автор уделит патриархальной семье, которую этнографы иначе называют большой семьей, семейной или домашней общиной. Автор вполне прав, утверждая, что «... древняя семейная община постепенно уступает свое место сельской общине» (стр. 163). Менее удачна другая его формулировка: «Семейная община превращается в сельскую территориальную общину» (стр. 486). Эту формулировку можно понять в том смысле, что семейная община (неудачно употреблено единственное число) разрастается в сельскую общину. На самом деле процесс «превращения» домашних общин в сельские представлял распад первых и образование последних из их обломков, вследствие развития производительных сил, уровень которых мог способствовать разрушению домашней, но недостаточно высок для распада сельской общины.

Хорошо показана сущность бюрократической деспотии, как государственного аппарата, который «ставит своей главной задачей защиту интересов правящего класса рабовладельцев.»] Весьма характерный для развития государства на древнем Востоке процесс постепенного вытеснения родовых институтов настоящими органами государственной власти показывается автором на примере развития местного суда в древнем Египте (стр. 175).

Весьма удачным следует признать расположение источниковедческих экскурсов и освещение вопросов хронологии, которые даны в начале каждого раздела книги, вместо обычной схемы, по которой обзор источников дается в виде отдельной вводной главы. Практика показывает, что новая схема облегчает студентам усвоение этого материала.

Большим достоинством учебника является правильное построение разделов, посвященных экономике и классовому строю: выдвигание на первый план вопросов экономики дает студентам правильную марксистскую установку в оценке политического строя и политических событий. Подробное описание техники земледелия и ремесла, подчеркивание роли искусственного орошения и значения тех или иных географических условий для каждой из стран позволяют автору, с одной стороны, выяснить своеобразие отдельных древневосточных обществ, а с другой — показать общие закономерности развития. Особенно удачным представляется нам изложение экономики Египта в период Древнего царства: здесь автор подробно останавливается на технике земледелия, подчеркивая, что «хотя в силу общей застойности египетской экономики и техники сельскохозяйственные орудия долго сохраняли свой первобытный характер, все же в этом отношении можно заметить некоторый прогресс». И далее, автор развертывает конкретную картину экономики Египта в этот период. Особое внимание уделяется выяснению (опять-таки на конкретном фактическом материале) роли общины, путей развития рабства и роста классовых противоречий.

¹ См. К. Маркс, *Формы, предшествующие капиталистическому производству*, ВДИ, 1940, № 1, стр. 10 и «Архив Маркса и Энгельса», I (1924), стр. 254.

Однако, сосредоточивая все данные по истории хозяйства в начале каждой главы, автор нарушает порой хронологическую последовательность событий. Так, например, в главе IX (Новое царство), в параграфе «Торговля» подробно говорится о сношениях Египта с Азией в конце XV в., на основании Телль-амарнских писем, а затем автор возвращается к концу XVI в. (экспедиция Хатшепсут в Пунт), в следующем параграфе описывает войны Тутмоса III, а затем опять (и на этот раз гораздо подробнее) останавливается на событиях Телль-амарнского периода (параграф «Дипломатия»). Получается чередование двух периодов. А в самом конце главы, после подробного анализа событий и явлений XIX и XX династий, В. И. Авдиев внезапно возвращается на три столетия назад и дает в особом параграфе «Организация государственного управления» детальную характеристику бюрократической системы Египта по материалам исключительно XVIII династии.

Следовало бы также в большей степени подчеркивать специфику каждой отдельной страны и избегать дословного повторения одной и той же характеристики в разных главах. Например, на стр. 339, глава «Древняя Палестина» мы читаем: «Особенно содействовало укреплению этой патриархальной семьи право первородства, обеспечивавшее старшему сыну привилегированное положение в семье», а на стр. 365: «Древняя патриархальная семья, существовавшая в Ассирии в течение ряда столетий, укреплялась и усиливалась благодаря обычаю первородства» и далее, на стр. 487 опять то же самое, применительно к древней Индии: «Укреплению патриархальной семьи содействовал обычай первородства». Подобные повторения (ср. также стр. 163, 289, 325, 378) притупляют внимание читателя и не дают ему возможности усвоить разнообразие местных форм и вариантов семьи.

Касаясь религиозных верований древневосточных народов, автор вскрывает классовые корни религии, особо останавливаясь на примерах обоготворения царя (проблема, которой он специально занимается). В то же самое время он отмечает зачатки материалистической философии на древнем Востоке, которая была еще стихийной и примитивной, но безусловно прогрессивной (стр. 541). Автор также обращает глубокое внимание на произведения художественной литературы древневосточных народов, проникнутые скептицизмом и нерегем в загробную жизнь.

Основным пробелом современной истории древнего Востока является слабая изученность экономической истории стран древнего Востока. Следовательно, важнейшей очередной задачей для советских востоковедов является ликвидация отставания в этой области. Немало еще осталось неизученного в области истории классовый борьбы в древневосточных государствах. Необходимо также усилить связь с другими отраслями исторической науки, с историей первобытного общества, историей Греции и Рима, историей средних веков и особенно с историей нашей Родины, которая и в глубочайшей древности играла важную роль во всемирно-историческом процессе.

Необходимо, учитывая крупнейшую роль народов нашей страны с незапамятных времен, включить их не только в среднюю и новую всеобщую историю, но и в древнюю, в частности, в историю древнего Востока. Хотя автор и посвящает истории Урарту специальную главу, однако следует желать, чтобы в следующем издании эта глава была значительно углублена и расширена. Теперь после опубликования блестящих трудов С. П. Толстова о Хорезме стало возможно и необходимо включить в курс истории древнего Востока и специальный раздел по истории Средней Азии.

Как ни велики эти задачи, однако советская историография древнего Востока безусловно обладает всем необходимым для их выполнения.

Последней стороной учебника В. И. Авдиева является большое внимание к трудам русских и особенно советских ученых. К сожалению, не упомянуты труды Т. Н. Берозидис, которая впервые дала исчерпывающий труд по истории русской египтологии и представила ряд интересных соображений по истории египетского искусства и египетской культуры. Но в целом достижения нашей науки

автором показаны в достаточной мере, хотя он и склоняется иногда к каталогизации; например, только назван без всяких пояснений (стр. 135) А. А. Коцейковский, давший комментированный перевод труднейших «Текстов Пирамид», И. Г. Франк-Каменецкий, введший в востоковедение новое учение о языке акад. Н. Я. Марра, и Ю. П. Францов (на стр. 12), один из крупнейших советских историков религии. Очень хорошо поступил автор, выдвинув на первый план труды М. В. Никольского, Б. А. Тураева, В. С. Голенищева, В. В. Струве и Н. Я. Марра — ученых мирового значения. Следует лишь пожалеть, что автор не изложил хотя бы самым кратким образом сущности нового учения о языке акад. Марра и несколько недооценил М. В. Никольского. Последний столь мастерски владел шумерской клинописью, что его во всем мире заслуженно считали «королем ассириологии».

Автор дал принципиальную и беспощадную критику различных зарубежных реакционных теорий и теоретиков, раскрыв их буржуазную сущность. Особенно удачно он разоблачает циклиста Э. Мейера, панавилониста Г. Винклера, поклонника восточного деспотизма американца Д. Г. Брестеда, фальсификатора истории расиста Тегера и т. д.¹

Во всех странах древнего Востока В. И. Авдиев устанавливает наличие рабовладельческого общества и рабовладельческого государства, убедительно доказывая это на основании тщательного изучения первоисточников. Тем самым автор иллюстрирует на конкретном материале то положение учения Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина, что рабовладельческое общество было древнейшей формой классового общества, а рабовладельческое государство — древнейшей формой государства.

Приходится только пожалеть, что внимание автора недостаточно равномерно направилось на отдельные моменты в картине развития древневосточного мира. В фокусе его внимания оказался Египет. В общей сложности ему посвящено 180 страниц, в то время как Индии и Китаю² отведено соответственно только 29 и 36 страниц. Эти цифры означают, что Египту предоставлена $\frac{1}{3}$, а Индии и Китаю, вместе взятым, лишь немного больше $\frac{1}{10}$ текста, посвященного конкретной истории древнего Востока (всего 525 страниц). Конечно, В. И. Авдиев является специалистом-египтологом, но он не должен забывать, что им писан учебник, а не монография. В частности, следует отметить, что происхождению буддизма автор уделил менее страницы. В то же самое время о египетской религии говорится очень подробно не только в главе X (египетская культура), но и в других главах. Одних египетских богов упоминается 38. Так как всего в книге фигурирует около сотни богов, то на долю Египта опять приходится та же треть. Склонность автора к Египту иллюстрируется частым упоминанием имен не только богов, но и царей Египта: им названо в общей сложности 67 фараонов, тогда как число упомянутых царей прочих стран древнего Востока равно 90.

Вовсе устраняя или печатая петитом некоторые детали, сжимая изложение общеизвестных или маловажных фактов, автор сможет за этот счет ввести новые разделы, посвященные истории народов СССР, Индии и Китая, и расширить старые. Это нужно сделать и в отношении слишком лаконичных введения (1—17) и заключения (542—543). Это тем более необходимо, что в них речь идет о важнейших теоретических вопросах истории древнего Востока.

¹ Следует только указать на некоторые не совсем четкие формулировки, как например: нельзя сказать, что Эд. Мейер «не дооценивал» (стр. 9) фактор внутреннего развития. Автор, разумеется (и как это видно из всего контекста), сам прекрасно понимает, что здесь речь идет вовсе не о «недоценке», а о всей буржуазной концепции критикуемых ученых.

² В настоящей рецензии мы не касаемся двух последних разделов, поскольку мы не являемся специалистами в этих областях.

Чрезмерно сжатое изложение общих вопросов и в других местах книги мешает автору заострить его формулировки по некоторым частным теоретическим проблемам (например, историческое значение реформ Урукагины и классовая направленность законодательства Хаммурапи).

Это же сокращение излишних деталей позволило бы автору ввести добавочные параграфы, в которых давались бы обзоры международных связей для отдельных эпох. Иначе получается некоторая оторванность отдельных государств друг от друга. Правда, в отдельных главах говорится о взаимоотношениях описываемого в данной главе государства с его соседями, но общую картину международного положения представляется восстанавливать из отдельных частей самим читателям. Этот недостаток, к счастью, частично возмещается интересными и содержательными синхронистическими таблицами (стр. 560—567).

Облегчают усвоение текста и 10 хороших исторических карт. Одиннадцатая карта, представляющая собой цветную вкладку, не оправдывает своего названия «карта древнего Востока», так как на ней имеется единственное древнее название — Финикия. Следует также отметить один досадный пробел. На неплохой карте Сирии и Финикии (стр. 303) оказался срезанным нижний край, и поэтому исчез город Тир. На карте «Египет и Передняя Азия» (стр. 209) Богазкой почему-то очутился на левом берегу р. Галиса. В значительной степени облегчают усвоение материала образцово подобранные самим автором рисунки.

Приходится пожалеть, что в учебнике, который ежегодно будут изучать тысячи наших студентов, оказались фактические ошибки и целый ряд промахов. На стр. 173 говорится об уничтожении египетским вельможей финикийских палат в Палестине; на самом деле в египетском тексте (надпись Уны) речь идет о смоковницах. На стр. 420 последним иудейским царем объявлен Хизкия (в русском переводе Библии — Езекия), тогда как им был Цидкия (в библейском русском тексте Седекия). На стр. 435 утверждается, что фараон Псамтик (у нас принято греческое произношение Псамметих) «отразил нашествие скифов»; точнее следовало указать, что он откупился от них. На стр. 498 говорится, что Селевк в 305 г. укрепился в Сирии. На самом деле в Сирии правил в это время Антигон Одноглазый, а Селевк владел Ираном и Вавилонией, Сирией же Селевк завладел только после битвы при Иссе (301 г.). На стр. 160 утверждается, что «железо и техника его обработки были известны еще в эпоху архайки». Надо было указать, что ни оружие, ни орудий из железа до Нового царства в Египте не доказано, а обнаружены лишь украшения. На стр. 154 сначала говорится, что Египет объединен был Нармером, а затем — Менесом; не разъяснено, кто же из них объединил Египет. На стр. 227 говорится, что под стенами Кадеша египтяне потерпели «позорное поражение», а несколькими строками ниже сообщается, что им «удалось избежать полного поражения». На стр. 391 читаем, что в VII веке до н. э. в ассирийских надписях уже упоминаются «племена киммерийцев, скифов и мидян». На самом деле мидяне встречаются в ассирийских текстах уже в IX веке, а киммерийцы — в VIII веке до н. э. Тир, вопреки мнению автора (стр. 420), не был взят Навуходоносором, а пошел на компромисс и согласился платить дань. Также сомнительно предположение автора, что основание города Вавилона в Египте имеет какое-то отношение к нападению Навуходоносора на Египет (стр. 421). На самом деле, город, о котором идет речь, существовал в Египте издавна (под названием Хери-аха), и лишь греки позднее стали называть его Вавилоном. Ошибочным является утверждение автора, что, «начиная с XII в.», ассирийцы громили Хеттское царство (стр. 298). В указанный период речь может идти не о едином Хеттском царстве, а о мелких хеттских государствах (таких как Кархемиш, Самаль и др.).

На стр. 470 читаем, что Дарий I совершил поход на скифов «для укрепления своих северо-западных границ». Следовало бы отметить захватнический характер этого похода и отметить его неудачный и позорный исход для персидского царя царей. На стр. 392 говорится, что ассирийским царям не удалось окончательно сокрушить Элам, а на стр. 449 утверждается, что Ашурбанипал «жестоко разграбил

Элам, добившись тем самым полного поражения вековечного врага Ассирии». На стр. 315 город Утика (на территории карфагенского государства) назван «страной».

На стр. 234 египетский фараон Рамзес IV именуется по устарелой нумерации Рамзесом III, а на стр. 374 Тиглат-Паласар III назван почему-то IV. На стр. 63 упомянут бог Ниниб, имя которого по новейшим изысканиям следует читать Нинурта, как правильно транскрибирует на стр. 115 сам автор. На стр. 356 устарелое чтение «Раман» употребляется вместо «Адад», как в ряде других мест (стр. 398, 356, 359) правильно дается автором.

На стр. 307 дается петочный перевод отрывка из письма Аменхотепа III. Вместо «дочь одной из этих бедных стран» следует переводить «дочь престолюдина» (в подлиннике стоит «мушкену», термин, обозначающий определенную социальную группу и отнюдь не являющийся эпитетом страны).

Имеются в учебнике и некоторые досадные пропуски. Так, на стр. 65—67 при характеристике периода III династии Ура ни слова не говорится о десятках тысяч документов хозяйственной отчетности этого времени, выявляющих удельный вес рабского и свободного труда в царском и храмовом хозяйстве.

Желательно исправить одну небрежную формулировку. На стр. 123 упомянуты «царские гробницы додинастической эпохи». Подобное противоречивое определение может только запутать читателя. Следует также вычеркнуть на стр. 134 фамилию Ранке, попавшего сюда вместо другого египтолога Г. Градова.

Следовало бы оговорить и расхождения данных в учебнике хронологических дат с датами не только в учебном пособии по истории древнего Востока акад. В. В. Струве, но и со стенограммами лекций по истории древнего Востока в Высшей партийной школе, читанных самим автором. Автору следовало в параграфе, специально посвященном ассиро-вавилонской хронологии (стр. 34—36), упомянуть о новых открытиях, которые привели к изменению хронологии истории Передней Азии (например, датировка царствования царя Хаммурапи 1792—1750 гг. до н. э., вместо устаревшей даты 2067—2025 гг. до н. э.).

Наличие подобных небольших ошибок, неточностей и спорностей не меняет все же нашей оценки труда В. И. Авдиева, основанного на огромном и в значительной степени новом фактическом материале. Более тщательное редактирование текста книги позволит свести до минимума эти дефекты. Еще легче устранимы немногие недочеты в языке книги. Можно отметить лишь несколько моментов, затрудняющих понимание мыслей автора. Среди них, в первую очередь, следует назвать расхождения автора с общепринятым произношением собственных имен и некоторых терминов. Особенно бросается в глаза необычное написание «героглифы» вместо привычного для нас «иероглифы». Правда, по принятому у нас рейхлиновскому произношению древнегреческих слов, должно читать так, как предложено автором, но при прочных традициях в современном русском языке приходится отступать от правил: всем известна ленинская критика плехановской «теории иероглифов», а не «героглифов». Равным образом наши учащиеся привыкли (еще в средней школе) к греческому произношению многих восточных имен. Сам автор не называет упомянутого царя Дария «Дарейша», как произносили сами персы. Но одновременно он именуется мидийского царя Киаксара «Хвакшатра», а Псамметиха, как уже упоминалось, — «Псамтин».

Язык автора простой, вполне правильный. Можно отметить случайные неудачные выражения, как-то: «фаянсированные кирпичи» (стр. 25), «зверспеклонство» (стр. 95), «солнечный сокол» (стр. 254). В целом же язык В. И. Авдиева прост и убедителен. Подводя итоги, следует познать «Историю древнего Востока» В. И. Авдиева большим вкладом в нашу научную и учебную историческую литературу и пожелать скорейшего переиздания этого труда с устранением его немногих, но тем более досадных недочетов.

Проф. В. К. Никольский, Д. Г. Редер, Н. М. Постовская